

EDN: LZHKNK
УДК 81'42: 81'38: 81'27

Vectors of the Development of Information Warfare Linguistics

Galina A. Kopnina* and Ekaterina V. Eremina

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.02.2023, received in revised form 16.03.2023, accepted 18.04.2023

Abstract. Through a brief survey of the typical definitions of information warfare, the article illustrates the authors' views on the perspective investigation of the linguistic aspect of the phenomenon. The introduction engages with the shaping of the information warfare as a way to set the broader analytical context. It further reviews the contribution of the SibFU linguists into its formation and the importance of finding the ways to respond to the information warfare in terms of conducting multidisciplinary linguistic research. The authors specify the possible vectors for it: analytical and discourse vector (investigating the destructive messages and meanings in various types of discourse and narratives, linguistic analysis of the discourse strategy to counter destructive information, the academic discourse analysis on information warfare); lingo-technological vector (linguistic support of AI research); vocabulary vector (compiling information warfare dictionaries); lingo-valeological vector (investigating the influence of speech acts on human psychology); lingo-ecological vector (investigating language development in terms of lingo-ecological security, the language repercussions of information warfare); lingo-methodological vector (developing the complex method of information warfare discourse analysis); lingo-axiological vector (tracing information warfare in speech representation of moral as well as social values). The article also highlights the importance of the linguistic research in the information security realm.

Keywords: information warfare, information warfare linguistics, countermeasures linguistics.

Research area: theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics.

Citation: Kopnina G. A., Eremina E. V. Vectors of the development of information warfare linguistics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 895–910. EDN: LZHKNK

Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны

Г.А. Копнина, Е.В. Еремина

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье отражено видение ее авторами перспектив развития лингвистики информационно-психологической войны. Сначала дается небольшой экскурс в формирование лингвистики информационно-психологической войны и отмечается вклад ученых СФУ в становление и развитие этого направления; актуальным признается разработка лингвистики противодействия в информационно-психологической войне. Далее намечаются основные междисциплинарные векторы будущих исследований, связанных с изучением информационно-психологических войн в аспекте лингвистики противодействия: аналитико-дискурсивный вектор (выявление деструктивных смыслов, продвигаемых в дискурсах различного типа; лингвистический анализ дискурсивной реализации стратегии противостояния деструктивным воздействиям; анализ научного дискурса об информационно-психологических войнах); лингвотехнологический (лингвистическое сопровождение разработок в области искусственного интеллекта); лексикографический (создание терминологического словаря лингвистики информационно-психологической войны, словарей языка войны); лингвовалеологический (исследование речевых приемов, оказывающих влияние на психическое здоровье человека, валеологичности пропаганды), лингвоэкологический (изучение языковой ситуации в аспекте лингвоэкологической безопасности; языковых последствий информационно-психологической войны), лингвометодологический (разработка комплексной методики анализа дискурса информационно-психологической войны) и лингвоаксиологический (изучение отражения в дискурсе ценностных категорий). Обращается внимание на взаимосвязь различных векторов лингвистики противодействия, объединяющим для которых выступает понятие информационно-психологической безопасности.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, лингвистика информационно-психологической войны, лингвистика противодействия.

Научная специальность: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Копнина Г.А., Еремина Е.В. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(6), 895–910. EDN: LZHKNK

Введение в проблему исследования

Толчком для развития лингвистики информационно-психологической войны (далее – лингвистики ИПВ) послужило

признание учеными того факта, что язык является мощным и главным оружием информационного противоборства и борьбы за власть. Вся история политической лингвистики есть осознание этого факта. Именно

развитие политической лингвистики наряду со сложившейся геополитической ситуацией способствовали формированию лингвистики ИПВ.

Прошло шесть лет с момента публикации статьи, в которой был предложен термин «лингвистика информационно-психологической войны» (Сковородников, Копнина, 2016), и началась реализация соответствующего проекта в СФУ. Вышел ряд коллективных монографий, посвященных проблематике данного направления: в нашем университете это прежде всего тетралогия «Лингвистика ИПВ» под редакцией А.П. Сковородникова – главного идеолога направления (Лингвистика информационно-психологической..., 2017, 2019, 2020, 2021). В СФУ вышла также книга «Информационно-психологическая война в философском и лингвистическом осмыслении» под общей редакцией Е.Н. Гарина (2022).

Опубликованы десятки научных статей исследователей из разных вузов нашей страны, внесших вклад в развитие лингвистики ИПВ: как до провозглашения названного направления (Руженцева, 2004; Тагильцева, 2012; Дилами Фатемех, 2013; Кошкарова, 2015 и др.), составив его научные основания, наряду с работами философов по теории войны, психологов и политологов (их обзор представлен в первой книге по лингвистике ИПВ), так и после этого (Кошкарова, Руженцева, Зотова, 2018; Гаврилов, Зарипов, 2020; Кушнерук, Курочкина, 2020; Коцюбинская, 2020 и др.). Основные результаты исследований ИПВ в лингвистическом аспекте изложены в некоторых публикациях, например: (Кушнерук, 2019; Кушнерук, Чудинов, 2019). В связи с эскалацией гибридных войн назрела острая необходимость посмотреть на поле полученных лингвистических знаний с высоты птичьего полета для того, чтобы вычленив наиболее приоритетные векторы развития лингвистики ИПВ и скоординировать совместные усилия дальнейшей работы во благо отечественной науки и нашего государства.

Концептуальные основания исследования

Мы исходим из концептуального положения о том, что в лингвистике ИПВ условно можно выделить две взаимосвязанные составляющие – лингвистику коммуникативного нападения и лингвистику противодействия (защиты, сопротивления). Первая активно развивается благодаря работам, посвященным изучению коммуникативной агрессии в информационно-психологическом противоборстве (Озюменко, 2017; Балахонская, Быков, 2018; Хмара, 2021 и др.). Вторая же составляющая лингвистики ИПВ менее разработана, поэтому именно на ней и сосредоточим наше внимание, обозначая далее ее основные векторы развития.

Второе концептуальное положение заключается в том, что разработка лингвистики противодействия не может осуществляться без учета понятия национальной безопасности РФ, которое в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» понимается следующим образом: национальная безопасность – это «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (Стратегия... 2021). Одним из стратегических направлений ее обеспечения считают информационную безопасность, компонентом которой является безопасность информационно-психологическая как защищенность личности, общества и государства от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Третьим концептуальным для нас положением является междисциплинарный характер решения исследовательских задач в лингвистике ИПВ. Именно междисциплинарный подход позволяет описать объект изучения в его целостности и рассматри-

вается как наиболее перспективный в языкознании.

Обсуждение

Могут быть выделены по меньшей мере семь основных междисциплинарных векторов исследований информационно-психологических войн в аспекте лингвистики противодействия: аналитико-дискурсивный, лингвотехнологический, лексикографический, лингвовалеологический, лингвоэкологический, лингвометодологический и лингвоаксиологический. Рассмотрим тезисно каждый из векторов.

1. Аналитико-дискурсивный вектор – это направление, связанное с аналитическим изучением дискурса информационно-психологической войны и решающее взаимосвязанные задачи: выявление деструктивных смыслов в дискурсах разного типа, изучение научного дискурса о современной ИПВ и определение эффективности реализации стратегии противодействия.

1.1. Выявление деструктивных смыслов, продвигаемых в дискурсах различного типа

В теории дискурса всё больше внимания уделяется понятию безопасности, трактовка которого в начале нашего века претерпела существенные изменения – от понимания безопасности как отсутствия угроз чему-либо до т.н. теории секьюритизации. Безопасность осмысливалась как особый речевой акт (акт секьюритизации) – «заявление о том, что некий актор, процесс или событие представляет собой угрозу выживанию общества или государства», акт, наделяющий политиков «правом принимать срочные меры по нейтрализации экзистенциальных угроз в обход или нарушение существующих правил и процедур» (идеи т.н. копенгагенской школы Оле Вэвер и Барри Бузан) (Морозова, 2016: 114); как «процесс производства смысла, глубоко укорененный в дискурсивном контексте, который и превращает индивидуальную пропозицию в коллективный доминирующий нарратив» (Там же: 115); как дискурсивная практика, которая «формиру-

ет иерархию общественных приоритетов и потому конструирует то политическое общество, от имени которого она артикулируется» (Там же: 116). И хотя мы не являемся сторонниками теории секьюритизации, важным признаем то, что в ней ставится вопрос об ответственности субъекта («секьюритизирующего актора») за выбор смыслов, от которых зависит дальнейшее развитие дискурса (Там же: 119).

Этот вопрос – вопрос об ответственности за выбор смыслов, причем не важно кем – политиком, писателем и т.д., – чрезвычайно важен в наше время. Современная война включает и «войну смыслов» (или, как ее называют, когнитивную войну), и ее деструктивные смыслы могут совершенно незаметно для неискушенного потребителя информации «прятаться» в текстах любых жанров, например в художественном произведении. Так, в октябре В. А. Власов, член Общественной палаты г. Красноярска, кандидат юридических наук, опубликовал на своей странице в «ВКонтакте» пост (https://vk.com/valery_vlasov70?w=all710171236_4275_%2Fall), в котором сообщил об инспекции одного из магазинов в связи с обращениями горожан, возмущенных продажей романа «Лето в пионерском галстук». Он замечает, что авторы этой книги (К. Сильванова и Е. Малисова) никогда не были в пионерских лагерях советского периода в силу своего более позднего рождения, и считает, «справедливым возмущение неравнодушных граждан». К посту он прикрепляет фотографию инструкции для внутреннего пользования, в которой сотрудникам магазина сообщается, как действовать и что говорить в ответ на возмущения посетителей (даются формулировки аргументов). Отметим, что названная книга – роман не просто о любви между 19-летним вожатым Владимиром Давыдовым, студентом МГИМО, и 16-летним Юрой Коневым в пионерском лагере, она направлена не только на романтизацию нетрадиционных ценностей, но и на еще одну мишень – Советский Союз, ведь неслучайно действие романа происходит в пионерском лагере, а не в современном дет-

ском лагере. Другими словами, книга имеет двойную мишень воздействия. Распространение этой книги осуществлялось в то время, когда готовились и рассматривались в Госдуме законопроекты о защите традиционных ценностей, их принятие – важный шаг противодействия в информационно-психологической войне против России.

Конечно, художественный текст может быть средством ведения информационно-психологических войн «в результате его сознательной популяризации заинтересованными институтами и личностями именно как оружия ИПВ» (Лингвистика информационно-психологической войны, 2019: 24). Однако приведенный пример ставит вопрос и об ответственности авторов текстов (в данном случае писателей) за выбор транслируемых смыслов и их участия в ней.

Этот вопрос об ответственности смыслов наиболее остро стоит применительно к научному дискурсу, в котором бытует точка зрения, что ученый не должен выражать свою идеологическую позицию в ситуации информационно-психологической войны. Научный текст как оружие информационно-психологической войны – не разработанная еще тема.

Своевременное выявление деструктивных смыслов – важная составляющая аналитико-дискурсивного вектора: известно, что в информационно-психологической войне «победителем становится государство или коалиция, сумевшие навязать противнику присущее им видение картины мира, ценностей, интересов и соответствующее их мирозерцанию понимание «справедливого» распределения ресурсов» (Бартош, 2018). А для того, чтобы навязывание прошло незаметно для жертв войны, используется т.н. мягкая сила, основанная «на особом доверительном отношении к источнику информации, одновременно с учетом информационной архитектуры, особой организации сбора, создания и распространения информации с целью контроля ее восприятия» (Eberle, Daniel, 2022).

Как мы уже отметили выше, в теории дискурса наблюдается постепенный

переход от концепции общественной безопасности к концепции «дискурсивной безопасности общества и государства» (Каращук, Ющенко, 2013). При этом понятие дискурсивной безопасности не является четко соотнесенным с безопасностью информационно-психологической, называемой некоторыми исследователями также когнитивно-аксиологической (Информационно-психологическая..., 2017: 231). В концепциях и дискурсивной безопасности, и безопасности когнитивно-аксиологической в разных формулировках выдвигается тезис о таком ее сущностном компоненте, который связан с выработкой и реализацией стратегии защиты «узловых точек» политического дискурса. «Узловые точки» отражают систему ценностей, традиционно принятых в обществе, и составляют его «культурную матрицу». Их защита позволяет формировать у населения такие особенности мышления и восприятия действительности, которые блокируют «попытки инфицирования деструктивными ценностями» (Там же: 231). Деструктивными являются пропаганда жестокого обращения с животными (отстрел, отравление, организация боев, использование для опытов, истязания и т.д.), деморализующая общество; обесценивание достижений страны (их отрицание, осмеяние, постановка под сомнение их наличие); романтизация криминального образа жизни; распространение ложной информации различного типа (о безвредности вейпов, сноусов, безопасности абортов и др.); формирование склонности к азартным играм и т.д. (можно выделить свыше 30 типов деструктивной информации).

Анализ успешности/неуспешности дискурсивной реализации мер организационного сопротивления деструктивным атакам – следующая составляющая аналитико-дискурсивного вектора.

1.2. Лингвистический анализ дискурсивной реализации стратегии противостояния деструктивным воздействиям

Исследователи считают, что всегда и особенно во время войны большое вни-

мание должно уделяться системе ценностей, выраженной в символической форме. «Хорошо известно, что именно ценностно-символическая мотивация обеспечила советскому обществу способность противостоять военной и технологической мощи Германии во время Великой Отечественной войны. Поэтому первым элементом концепции системы безопасности в целом и информационно-психологической безопасности в частности является наличие ценностных императивов, не подвергаемых сомнению и признаваемых всеми членами общества» (Там же: 226). С учетом каких ценностных ориентиров – имеющихся и/или создаваемых – строится на государственном уровне стратегия противостояния в информационно-психологической войне?

Специальные (диссертационные) аналитические исследования в этой области, насколько нам известно, в лингвистике еще не проводились, однако отдельные наблюдения имеются. Так, А.К. Михальская в результате анализа риторических стратегий политического дискурса 2014–2018 гг. пришла к выводу, с которым согласны и некоторые другие ученые (например, (Савенкова, 2019: 142)), о том, что государственная политическая пропаганда в России была в то время «необъяснимо слаба, т.е. риторически несовершенна, ошибочна», и, следовательно, не только неэффективна, но и дисфункциональна (Лингвистика информационно-психологической войны, 2019: 57). Одна из причин – преобладание пассивной контрпропаганды над активной: «контрпропаганда» (как ответ-опровержение распространяемой пропагандистской информации) в новых условиях настолько же неэффективна, насколько ответ «сам дурак» в непродуктивном «споре», и того хуже – как оправдание ягненка перед волком у ручья» (Там же: 64). Кроме того, позитивная пропаганда «адресована в основном “пенсионерам” и технологически (риторически) заметно уступает негативной» (Там же: 71): она характеризуется постоянной обращенностью в прошлое, образ будущего страны и ее народа в ней полностью отсутствует;

«не учитывает национально-культурную специфику массовой аудитории, в которой большая часть представлена русским народом», и в ней практически нет «ни адекватных ключевых слов – лозунговых, символических, аттрактантов/репеллентов», «ни образов, ни их вариантов-морф, ни мифов (мифов-структур и мифов-нарративов)» – того, что составляет суть эффективной пропаганды. Стратегия позитивной пропаганды исследуемого периода «пренебрегает сущностью политического дискурса как процесса создания и обмена символическими формами (образами, мифами, нарративами), т.е. процесса творческого, поэтического» (Там же: 76). И хотя некоторые позитивные символические образы, подсказанные самой жизнью (например, бабушка с красным знаменем, мальчик Алёша и др.), и связанные с ними нарративы, после начала Специальной военной операции на Украине в государственной российской пропаганде используются, дискурс о них еще не подвергался риторическому анализу, как и дискурс противостояния стратегии дискредитации конструктивных национальных мифов. Как никогда актуальны лингвистические исследования эволюции государственной политической пропаганды в России.

1.3. Анализ зарубежного научного дискурса о современных ИПВ

Анализ зарубежного научного дискурса об информационно-психологической войне позволяет выявить характерную для него терминологию.

Наиболее часто используется термин «гибридная война», который впервые официально упоминается в статье «Будущее войны: рассвет гибридных войн» Джеймса Мэттиса и Гарретта Хоффмана (Mattis, Hoffman 2005). Гибридная война противопоставляется традиционным вооружённым конфликтам и характеризуется использованием как военных, так и невоенных инструментов (информационных операций, санкций, кибератак различного масштаба), различных мер противоборства (таких, как протестное движение и повстанче-

ство, терроризм и контртерроризм) (Там же), но ведущая роль при этом отводится информационному фактору. Информация рассматривается как «четвертое измерение войны» наряду с воздухом, водой и землей (Dowse, 2022).

Наблюдается значительное увеличение количества статей, посвященных этому измерению. Так, в архивных выпусках журналов издательства Elsevier в 2014–2016 годы общее количество статей с поисковым запросом «информационная война» составило около 3000, в то время как в 2020–2022 годах оно увеличилось в два раза, причем в большинстве случаев информационная война аффилирована только с Россией как основным источником угроз в отношении определенных стран. В статьях представлен тщательный анализ и описание методологии ведения информационной войны с опорой на труды советских и российских философов, политологов, социологов, военных деятелей и лингвистов; создается образ России как образ сильного противника (врага).

Наряду с терминами «гибридная война» и «информационная война» (information-based warfare) в зарубежном академическом и масс-медийном дискурсивных пространствах фигурируют такие терминологические наименования, как информационное столкновение (information confrontation), война информационного века (information-age warfare), электронная война (electronic warfare), С2-война (command and control warfare), С4И-война (command, control, communications, computers, and intelligence), кибервойна (cyber-warfare), хакерская война (hacker warfare), психологическая война (psychological warfare), война интеллекта (intelligence-based warfare), сетевая война (net-war), программная война (software warfare), софт-война (software), война Нового Поколения (New Generation Warfare), диверсионная война (subversion war), альтернативная война (nonmilitary warfare). Владимир Рота и Шон Монаган характеризуют такое терминологическое разнообразие и его понятийную неоднозначность, как «50 оттенков гибридной войны» (Rauta V.,

Monaghan S., 2021). Как мы понимаем, это означает, что многие термины описывают один и тот же феномен в разных аспектах.

Представляют интерес наблюдения зарубежных ученых о языке ИПВ. Например, исследователи из Австралии опубликовали статью о деятельности бот-аккаунтов в Twitter, в которой отмечают увеличение частотности слов, вызывающих страхи и беспокойства (*стыд, террорист, угроза, паника* и др.) (Smart, 2022).

2. Лексикографический вектор – направление исследований в лингвистике ИПВ, имеющих цель разработку словарей, отражающих влияние ИПВ на язык и, следовательно, языковое сознание его носителей.

В дискурсе информационно-психологической войны используются термины, требующие первоочередного осмысления и четкого соотнесения (далее они даны списком): а) наименования войны: *война нооцентрическая, гибридная, психоисторическая, сетевая, преземптивная, электронная, хакерская, когнитивная, психологическая, дискурсивная, холодная, сетевая, информационно-психологическая, мемориальная, пропагандистская, виртуальная, религиозная, ментальная; кибервойна, война на нервов, война смыслов, война памяти, коучинг война* и некоторые др.; 2) термины, объединенные идеей защиты в войне, например: *антидот когнитивной манипуляции, контрманипуляция, контрпропаганда, организованное сопротивление, языковое сопротивление, аксиологическое сопротивление, информационное противостояние, информационное противодействие*; 3) виды безопасности: *безопасность лингвистическая, национальная, когнитивная, психологическая, информационная, аксиологическая, когнитивно-аксиологическая, мемориальная, общественная* и некоторые другие. Актуально создание словаря лингвистики ИПВ как способа систематизации ее понятийно-терминологического аппарата.

Любая война, а уж тем более информационно-психологическая, оставляет следы в языке в виде новых значений

слов, новых терминов и устойчивых словосочетаний, характеризуется определенной риторикой. Поэтому возможно создание словарей языка войны, фиксирующих происходящие в языке и речи изменения. Один из таких словарей, посвященный политическим ярлыкам, вышел в Сибирском федеральном университете (Сковородников, Копнина, 2022б). Возможно также создание словарей смысловых амбивалентов, манипулятивных эвфемизмов и дисфемизмов, военных метафор и других средств.

Интересный проект выполняется группой ученых Донецкого национального университета совместно с Южным научным центром Российской академии наук. Они работают над «Словарем языка войны в Донбассе». В этот словарь отбираются «те слова и выражения, которые отражают особенности, ход и восприятие боевых действий участниками и жертвами войны, общественностью, литераторами и т.д.» (Теркулов, 2022: 25). В статье, посвященной описанию этого проекта, отмечается также, что «особую значимость приобретают Словари войны, посвященные лексиконам локальных конфликтов» и показывающие ее восприятие разными сторонами конфликта (Там же: 26).

3. Лингвотехнологический вектор как лингвистическое сопровождение работ в области искусственного интеллекта.

По-прежнему актуально создание компьютерных технологий противодействия информационно-психологическим атакам с участием лингвистов. Исследователи считают, что «может быть создан своеобразный корпус лексем, используемых акторами в реализации информационно-психологических войн», и что «создание такой базы данных позволит усилить противодействие ИПВ, классификация ключевых лексем будет способствовать более оперативному определению потенциально опасных текстов, что усилит государственную безопасность в сфере коммуникаций» (Бабинова, Цыганкова, 2017: 217). Создание корпусов языковых/речевых единиц воз-

действия (в том числе по типам деструктивных текстов) ускорит работу по созданию автоматизированных систем, позволяющих распознавать тексты, несущие угрозу информационно-психологической безопасности, и блокировать потоки негативной информации на начальном этапе ее выхода в информационное пространство.

Одной из активно обсуждаемых научных проблем является создание программы по распознаванию речевой манипуляции. В России имеется первоначальный опыт создания таких программ (на основе исследования манипулятивных русскоязычных или англоязычных текстов определенной тематики) с использованием разных алгоритмов машинного обучения (см., например, публикации (Горностаева, 2018; Шакенова, 2020; Кенжебалина, 2020; Карабулатова, Воронцов, 2020), а также их краткий обзор (Копнина, 2021)). Одна из групп ученых пришла к интересному выводу (который соотносится с нашими последними наблюдениями), что манипулятивный текст характеризуется определенной комбинацией языковых/речевых средств «в рамках тех или иных обязательных структурных компонентов» (Кенжебалина, 2020: 107). Манипулятивные тексты представляют собой, если мыслить образами, ковры с разными узорами (комбинациями индикаторов, или маркеров), и эти узоры только на первый взгляд кажутся не похожими друг на друга (миф о многоликости манипуляции), но на самом деле, как нам кажется, могут быть сгруппированы и описаны по общности их моделей. Типизация этих манипулятивных «узоров» – первоочередная задача для решения обозначенной проблемы. И не менее важная задача – как нейтрализовать манипуляции разного типа.

4. Лингвовалеологический вектор – направление, контуры которого просматриваются в связи разграничением лингвовалеологии и лингвоэкологии.

Лингвовалеология – направление, задачами которого являются «изучение влияния языка и речи на психическое и физическое

состояние человека; поиск и оптимизация лингвистических средств и технологий внедрения в практику отдельных людей, государственных учреждений и общественных организаций лингвовалеологических идей и методов» (Экология русского языка, 2017: 110). Валеологически ориентированным ответвлением лингвоэкологии является эмотивная лингвоэкология.

В.И. Шаховский, основоположник лингвистической теории эмоций, отмечает, что смысловым компонентом понятия «национальная безопасность» является «экологический компонент, тесно связанный с психоэмоциональным состоянием всего общества, т.е. с доминирующими эмоциями во всех видах коммуникации: межперсональном, групповом, институциональном, особенно медийном – и со всеми используемыми языковыми средствами» (Шаховский, 2018: 201). Если вслед за А.П. Сковородниковым разграничивать лингвовалеологию и лингвоэкологию (Экология русского языка, 2017: 110), то этот компонент (тип безопасности) можно назвать лингвовалеологической безопасностью.

Угрозу безопасности этого типа составляет характерное для дискурса информационно-психологической войны использование приемов дестабилизации психического состояния личности, отдельных групп людей или общества в целом. Эти приемы лингвистически не в полной мере охарактеризованы. Одним из таких приемов, на наш взгляд, является речевой триггер – высказывание, которое переключает внимание адресата с одного объекта на другой и вызывает у него ценностные ассоциации и эмоциональные переживания, как правило, травмирующего типа, направленные на переосмысление этого объекта, связанного с ним события, явления и впоследствии мотивирующие его на совершение каких-либо действий или, наоборот, на бездействие. Триггерные высказывания являются разновидностью провокативных приемов и широко используются в интернет-комментариях, связанных с проведением Специальной военной операции на Украине – гибелью россий-

ских военных, их подвигами и наградами. Многие из них построены по типу «да кому эти награды нужны», «людей не вернуть», «ваши гибнут, а вы сидите», «не добровольцы, а по принуждению» и т.д., они тиражируются и распространяются ботами или часто пользователями под одними и теми же никами. Исследование динамики реакции российского общества на эти речевые триггеры позволит оценить его способность к сопротивлению.

5. Лингвоэкологический вектор – исследование языковой ситуации в аспекте лингвоэкологической безопасности, а также изучение языковых последствий информационно-психологической войны.

Лингвоэкологическая безопасность – это «ситуация, в которой языку и его речевой реализации ничто не угрожает»; «совокупность условий, при которых достигается научно обоснованное ограничение или исключение вредного воздействия языковых травм на языковую систему и/или ее речевую реализацию...» (Сковородников, 2017: 125–126). Угрозу безопасности этого типа составляют закрытия центров по изучению русского языка, уничтожение книг на русском языке, сокращение числа носителей русского языка.

В социальных сетях наблюдается использование огромного количества некрофильных текстов – текстов, выражающих сверхсильную речевую агрессию, для которой характерна «интенция морального и/или физического уничтожения объекта негативации, сопровождаемая эмоциями враждебности, ненависти и презрения» (Сковородников, 2019: 16). За примерами, как говорится, далеко ходить не надо. Так, латышский журналист Арманс Пуче в эфире DelfiTV заявил: «Мы не можем сказать, что это один Путин. Всё русское общество изъедено молью. По сути, речь об избавлении мира от вшей. Мы должны избавить мир от этой ужасной чумы» (цит. по <https://t.me/s/alekseystefanov>). К сожалению, подобные тексты не единичны.

Появилось огромное количество политических ярлыков (*биомусор, кремлебот,*

хохлобот, гомофоб и др.); слов и словосочетаний, выполняющих функцию устрашения (*рука Москвы, бесолуди, полицейское государство, военная диктатура, репрессии, большая война, тобой займутся, рассадник гомофобии, «грязная бомба», глобальное потопление* и др.; *зомби, вурдалаки* и т.п. infernalные наименования противника); инвективов (*автофекальная церковь, дерьмокраст, пидорги, херой* вместо *герой* и мн. др.). Таким образом, информационно-психологическая война оставляет следы в языке (опыт систематизации языковых следов в функционально-прагматическом аспекте отражен в статье (Сковородников, Копнина, 2022а).

В.И. Шаховский отмечает, что «...и информация, и пропаганда, и контрпропаганда могут и должны вестись в экологических терминах, через экологичный язык и стиль (не опуская этических норм)» (Шаховский, 2018: 206). Что касается языка, то в информационно-психологической войне обнаруживается нехватка глорифицирующих средств, к которым относится лексика и фразеология, выражающая мелиоративную оценку, способствующая позитивации образа (*миротворцы, своихнебросаем, бессмертный полк, духовные скрепы, многополярный мир, территория победы* и некоторые другие); лозунги, основанные на ценностном, ответственном отношении к другим людям (*Своих не бросаем; Мы вместе; Мы вместе – сила в правде; Никто, кроме нас; Им нужна наша поддержка; Поддержим наших; актуализированные За победу; Всё для победы* и др.) и т.п.

6. Лингвометодологический вектор – разработка лингвистических методик анализа текстов ИПВ применительно к курсам разного типа.

Лингвистика информационно-психологической войны характеризуется недостаточной упорядоченностью терминов и методологической неоднородностью. В ней обсуждаются критерии квалификации речевого произведения как информационно-психологического оружия (см., например, (Кушнерук, Чудинова,

2019)) и используются различные методики его исследования, в том числе с привлечением контекстуального анализа в его широком понимании: рассматриваются исторический, социальный, биографический и др. контексты создания речевого произведения. Отмечается необходимость разработки релевантной методики анализа различных войн в медиадискурсе (Кушнерук, 2019: 18); совершенствуется методика лингвоидеологического анализа текста, являющаяся частью методологии лингвистики противодействия. Именно эта методика в сочетании с контекстуальным анализом (в его широком понимании) и дискурс-анализом позволяет определить жанровые предпочтения акторов ИПВ и увидеть ее «следы» в таких жанрах, которые, казалось бы, не предназначены для использования в качестве оружия ИПВ.

7. Лингвоаксиологический вектор – исследование дискурса в аспекте отражения в нем ценностных категорий, основанных на соотношении «свой», «чужой» и «другой»: «Представляется весьма перспективным исследование информационной войны в аспекте транслируемых инокультурных ценностей, соотношения “своих” и “чужих” ценностей, их комбинаторики в определённом дискурсе (медиадискурсе, рекламном, политическом), а также установление специфики лингвосомиотического кодирования и декодирования» (Кушнерук, Курочкина, 2008: 766). Процентное соотношение «своего» и «чужого» – значимый параметр аксиологической безопасности, поскольку система ценностей является одним из объектов обеспечения информационно-психологической безопасности личности.

Одним из теоретических оснований лингвоаксиологических исследований текстов ИПВ могут и должны стать работы по изучению этоса стран и народов. Философы В.Ш. Сабиров и О.С. Соина подчеркивают важность пристального изучения этосов как одного из важнейших условий «построения эффективной системы противодействия нашим геополити-

ческим и цивилизационным противникам в обостряющейся информационной войне» (Лингвистика информационно-психологической войны, 2019: 89). По их мнению, исследования этосов и субэтосов помогут вникнуть в причины агрессивного отношения к России, которые могут иметь духовно-ценностную природу, исторически связанную с самосознанием различных этнокультурных объединений. Современная война как внутри страны, так и за ее пределами, считают исследователи, ведется «за содержательную ценностно-смысловую наполненность отечественного этоса» (Там же: 102).

Лингвоаксиологические знания могут быть востребованы в дипломатической деятельности и в работах спецслужб.

Заключение

Выделенные основные векторы исследований ИПВ (аналитико-дискурсивный, лингвотехнологический, лексикографический, лингвовалеологический, лингвоэкологический, лингвометодологический и лингвоаксиологический) позволяют по-новому взглянуть на проблемное поле лингвистики ИПВ, а также более системно осмыслить понятие информационно-психологической безопасности, в котором могут быть определены тесно связанные между собой дискурсивный, технологический, валеологический, экологический и аксиологический компоненты (виды безопасности). Их дальнейшая лингвистическая разработка – важный этап в развитии лингвистики противодействия.

Список литературы

Бабилова М.Р., Цыганкова А.В. Информационные войны против России: лингвистический аспект. *Сопоставительная лингвистика*. 2017. 6. 214–219.

Балахонская Л.В., Быков И.А. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018. 15(3). 492–506.

Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны. 10.10.2018 – дата публикации. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034/> (дата обращения: 07.11.2022)

Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И. Особенности языка массовой коммуникации в условиях информационно-психологической войны. *Военно-филологический журнал*. 2020. 1. 15–23.

Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. 191.

Дилами Фатемех. Американские компании CNN и FOX NEWS в информационной войне против Исламской Республики Иран: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2013. 17.

Информационно-психологическая война в философском и лингвистическом осмыслении: монография. А.В. Леопа, О.В. Фельде, К.В. Волчок; под общ. ред. Е.Н. Гарина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 152.

Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография. Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. 300.

Карабулатова И.С., Воронцов К.В. Цифровая лингвистическая мигратология и мониторинг потенциально опасных текстов и миграции. *Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: материалы XI Международного научно-практического форума*. М., 2020. 189–204.

Карашук А.Я., Ющенко С.С. К вопросу о дискурсивной безопасности. 27.06–03.07.2013. URL: <https://studylib.ru/doc/2446504/k-voprosu-o-diskursivnoj-bezopasnosti> (дата обращения: 06.11.2022)

Кенжебалина Г.Н. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры. Г.Н. Кенжебалина, Г.К. Шаикова, М.Т. Шакенова, И.Г. Акоева. *Научный диалог*. 2020. 7. 105–125. doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.

Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания. *Филология и человек*. 2021. 3. 30–46.

Коцюбинская Л. В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования. *Политическая лингвистика*. 2020. 4(82). 53–59.

Кошкарлова Н. Н. «Как слово наше отзовется»: почему информационная политика может перерасти в информационно-психологическую войну. *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности*. 2015. 10(3). 85–88.

Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия» по-американски и «российский след» по-украински. *Политическая лингвистика*. 2018. 1(67). 74–81.

Кушнерук С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике. *Политическая лингвистика*. 2019. 6(78). 12–22.

Кушнерук С. Л., Курочкина М. А. Информационная война: аспекты исследования и перспективы когнитивно-дискурсивного моделирования. *Когнитивные исследования языка*. Гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. 764–769

Кушнерук С. Л., Курочкина М. А. Информационно-психологическая война в зарубежной коммуникации: взгляд дискурсолога. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. 7(441). 97–105.

Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2019. 4–1. 105–118.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. Под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, Красноярск, 2017. 340.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга II. Красноярск: СФУ, 2019. 488.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга III. Красноярск: СФУ, 2020. 344.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга IV. Отв. ред. А. П. Сквородников. Красноярск: СФУ, 2021, 340.

Морозова Н. Н. Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности. *Политическая лингвистика*. 2016. 1(55). 111–116.

Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии. *Russian Journal of Linguistics*. 2017. 21(1). 203–220.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 294.

Савенкова Л. Б. Информационно-психологические войны сквозь призму лингвистики. *Политическая лингвистика*. 2019. 3(75). 140–144.

Сквородников А. П., Копнина Г. А. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект. *Политическая лингвистика*. 2022а. 4. 31–40.

Сквородников А. П., Копнина Г. А. *Словарь современных политических ярлыков*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022б. 176.

Сквородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия. *Политическая лингвистика*. 2016. 1(55). 42–50.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект. *Политическая лингвистика*. 2012. 4(42). 175–178.

Теркулов В. И. «Словарь языка войн в Донбассе»: лингвистические и лингвокультурологические особенности. *Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье. Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума*. Редколлегия: С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. Брянск, 2022. 25–29.

Хмара Р. Ю. Речевые формы агрессии: лексико-семантический и стилистический аспекты (на материале аудиозаписей). *Политическая лингвистика*. 2021. 4(88). 108–115.

Шакенова М. Т. и др. Автоматическое диагностирование манипулятивного дискурса (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций). М. Т. Шакенова, Д. С. Ташимханова, М. А. Баймаханбетов, У. А. Оспанова. Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2020. 180(4). 117–125. URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/2963/2705>

Шаховский В. И. Может ли лингвистика повлиять на ход психологической войны? (Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1. А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340.). *Вопросы психолингвистики*. 2018. 1(35). 200–208.

Экология русского языка. *Словарь лингвоэкологических терминов*. Авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2017. 384.

Bellamy C. What is Information Warfare? In: Matthews, R., Treddenick, J. (eds) *Managing the Revolution in Military Affairs*. Palgrave Macmillan, London. https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2070/10.1057/9780230294189_4

Dowse A., Bachmann S. Information warfare: methods to counter disinformation. *Defense & Security Analysis*, 38(4), 2022. <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2545/doi/full/10.1080/14751798.2022.2117285>

Eberle J., Daniel J. Anxiety geopolitics: Hybrid warfare, civilisational geopolitics, and the Janus-faced politics of anxiety. *Political Geography*. 92, January 2022, 102502. <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S0962629821001621>

Mattis, J.N., Hoffman, F.: *Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars* (2005). <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>

Rauta V., Monaghan S. Global Britain in the grey zone: Between stagecraft and statecraft, *Contemporary Security Policy*, 42:4, 475–497, <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1980984>

References

Babikova, M.R., Tsygankova, A.V. (2017). Informatsionnye voiny protiv Rossii: lingvisticheskii aspekt [Informational warfare against Russia: linguistic aspect], *In Sopostavitel'naia Lingvistika [Comparative linguistics]*, 6, 214–219.

Balakhonskaya, L.V., Bykov, I.A. (2018). Rechevaia agresiiia v politicheskikh blogakh radiostantsii “Ekho Moskvu” [Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”], *In Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Iazyk i Literatura [Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 15(3), 492–506.

Bartosh, A.A. (2018). Strategiiia i kontrstrategiiia gibridnoi voiny [Strategy and counterstrategy of hybrid warfare]. Available at <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034/> (accessed 07 November 2022).

Bellamy, C. (2021). What is Information Warfare? In: *Matthews, R., Treddenick, J. (eds) Managing the Revolution in Military Affairs*. Palgrave Macmillan, London. https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2070/10.1057/9780230294189_4

Deilamy, F. (2013). Amerikanskii kompanii CNN i FOX NEWS v informatsionnoi voine protiv islamskoi respubliki Iran [American Companies CNN and FOX NEWS in the information warfare against the Islamic Republic of Iran]. Thesis of Philology Cand. Moscow.

Dowse, A., Bachmann, S. (2022). Information warfare: methods to counter disinformation, *In Defense & Security Analysis*, 38(4), available at: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2545/doi/full/10.1080/14751798.2022.2117285>

Eberle, J., Daniel, J. (2022). Anxiety geopolitics: Hybrid warfare, civilisational geopolitics, and the Janus-faced politics of anxiety, *In Political Geography*, 92 (102502), available at: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S0962629821001621>

Ecologiya russkogo iazyka. Slovar' lingvoecologicheskikh terminov / avt.-sost. d-r filol.nauk, prof. A. P. Skovorodnikov [Ecology of the Russian Language. Dictionary of Contemporary Lingoecological Terminology. Compiled by Doctor of Philology, Professor A. Skovorodnikov]. M.: Flinta: Nauka, 2017. 384.

Gavrilov, L.A., Zaripov, R.I. (2020). Osobennosti iazyka massovoi kommunikatsii v usloviakh informatsionno-psikhologicheskoi voyny [Peculiarities of modern mass communication language in informational warfare], *In Voennofilologicheskij Zhurnal [Military Philological Journal]*, 1, 15–23.

Gornostaeva, Yu.A. (2018). Verbal'nye markery manipulatsii v angloiazychnom polarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii i avtomaticheskoy obrabotki [Verbal markers of manipulation in the English-language polarized political discourse: parametrization and automatic processing]. Thesis of Philology Cand. Krasnoyarsk.

Hmara, R. Iu. (2021). Rechevye formy agressii: leksiko-semanticheskii i stilisticheskii aspekty (na materiale audiozapisei) [Verbal forms of aggression (based on audio recordings): lexico-semantic and stylistic aspects], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 4(88), 108–115.

Karabulatova, I.S., Vorontsov, K.V. (2020). Tsifrovaia lingvisticheskaya migratologiya i monitoring potentsial'no opasnykh tekstov i migratsii. [Digital linguistic migrationology and monitoring of the potentially dangerous texts on migration], *In Migratsionnye mosty v Evrazii: novye podkhody k formirovaniyu migratsionnoy politiki v interesakh ustoychivogo razvitiya. [Migration bridges in Eurasia: new approaches to the formation of migration policy on behalf of the sustainable development: proceedings of XI International research and practice forum].* Moscow.

Karashiuk, A. Ia., Iushenko, S.S. (2013). K voprosu o diskursivnoi bezopasnosti [The problem of discourse security]. Available at: <https://studylib.ru/doc/2446504/k-voprosu-o-diskursivnoj-bezopasnosti> (accessed: 06 November 2022).

Kefeli, I.F., Iusupova, R.M. (2017). *Informatsionno-psikhologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost' [Informational-psychological and cognitive security].* Saint Petersburg, Petropolis, 300.

Kenzhebalina, G.N. (2020). Raspoznavanie manipulativnogo teksta: struktura i dominantnye iazykovye parametry [Recognition of manipulative text: structure and dominant language parameters], *In Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 7, 105–125. DOI: [org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125).

Koptina, G.A. (2021). Retchevaia manipulatsiia v mass-mediinom tekste/diskurse: problema raspoznavaniia [Verbal manipulation in mass media text/discourse: the problem of recognition], *In Philologiya i Chelovek [Philology and Man]*, 3, 30–46.

Koshkarova, N.N. (2015). “Kak slovo nashe otzovetsa: pochemy informatsionnaya politika mozhet pererasti v informatsionno-psikhologicheskuyu voynu [“How will our word resound then”: why communications policy develops into information and psychological warfare], *In Teoreticheskie i Prikladnye Aspekty Izucheniia Rechevoi Deiatelnosti [Journal of Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication]*, 10(3), 85–88.

Koshkarova, N.N., Ruzhentseva, N.B., Zotova, E.N. (2018). “Rossiiskaia agressiia” po-amerikanski i “rossiiskii sled” po-ukraiinski [“Russian aggression” American-style and “Russian trace” Ukrainian-style], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 1(67), 74–81.

Kotsiubinskaya, L.V. (2020). Informatsionnaya voyna: metodologicheskie printsypy lingvisticheskogo issledovaniia [Information warfare: methodological principles of linguistic research], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 4(82), 53–59.

Kushneruk, S.L. (2019). Traektorii issledovaniia informatsionno-psikhologicheskoi voyny v rossiiskoi lingvistike [Trajectories of information and psychological warfare research in Russian linguistics], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 6(78), 12–22.

Kushneruk, S.L., Chudinov, A.P. (2019). Stanovlenie lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoi voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye resul'taty [Linguistics of information-psychological warfare: methodological heterogeneity and first results]

war in the making: methodological heterogeneity and first results], *In Ecologia iazyka i Kommunikativnaia Praktika [Language Ecology and Communicative Practice]*, 4–1, 105–118.

Kushneruk, S.L., Kurochkina, M.A. (2019). Informatsionnaia voina: aspekty issledovaniia i perspektivy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia [Information war: aspects of research and perspectives of cognitive-discursive modelling], *In Kognitivnye Issledovaniia Iazyka [Cognitive Studies of Language]*, Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 764–769.

Kushneruk, S.L., Kurochkina, M.A. (2019). Informatsionno-psykhologicheskaiia voina v zarubezhnoi kommunikatsii: vzgliad diskursologa [Information and psychological war in the media: a discourse analyst's perspective], *In Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 7(441), 97–105.

Leopa, A.V., Felde, O.V., Volchok, K.V. (2022). *Informatsionno-psykhologicheskaiia voina v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii: monografiia [Informational-psychological warfare: philosophical and linguistic aspects]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 152 p.

Lingvistika informacionno-psykhologicheskoi vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiia. Kniga I. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2017. 340.

Lingvistika informacionno-psykhologicheskoi vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiia. Kniga II. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2019. 488.

Lingvistika informacionno-psykhologicheskoi vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiia. Kniga III. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2020. 344.

Lingvistika informacionno-psykhologicheskoi vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiia. Kniga IV. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2021. 340.

Mattis, J.N., Hoffman, F. (2005). Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars, *In Proceedings Magazine*, 132(11), available at: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>

Morozova, N.N. (2016). Bezopasnost' kak rechevoi akt i diskursivnaia praktika: k voprosu o konstruirovanii politicheskoi identichnosti [Security as a speech act and discursive practice: on the question of constructing political identity], *In Politicheskaiia Lingvistika [Political Linguistics]*, 1(55), 111–116.

Oziumenko, V.I. (2017). Medijnyj diskurs v situacii informacionnoi vojny: ot manipuliacii k agressii [Media discourse in a situation of information warfare: from manipulation to aggression]. *In Vestnik RUDN. Serii: Lingvistika [Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics]*, 21(1), 203–220.

Rauta, V., Monaghan, S. (2021). Global Britain in the grey zone: Between stagecraft and statecraft, *In Contemporary Security Policy*, 42(4), 475–497, available at: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1980984>

Ruzhentseva, N.B. (2004). *Diskreditiruiushie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse: monografiia [Discrediting tactics in Russian political discourse]*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 294.

Savenkova, L.B. (2019). Informatsionno-politicheskie voiny skvoz' prizmu lingvistiki [Information psychological wars through the prism of linguistics], *In Politicheskaiia Lingvistika [Political Linguistics]*, 3(75), 140–144.

Shakenova, M.T., Tashimkhanova, D.S., Baymakhanbetov, M.A., Ospanova, U.A. (2020). Avtomaticheskoe diagnostirovanie manipulyativnogo diskursa (na materiale korpusa ruskoiazychnykh internet-publikatsii) [Automatic diagnostics of manipulative discourse (on the basis of Russian-language internet-publications)], *In Vestnik Kazanskogo Natsional'nogo Universiteta. Serii Filologicheskaiia [Kazan National University Bulletin. Philology Series]*, 180(4), 117–125.

Shakhovskii, V.I. (2018). Mozhet li lingvistika povliiat' na hod psikhologicheskoi vojny? (Lingvisticheskie zametki o kollektivnoi monografii "Lingvistika informatsionno-psykhologicheskoi vojny: monografiia. Kniga 1 / A.A. Bernatskaia, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova (i dr.); pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sib.fed.un-t, 2017. 340 s.) [Can linguistics influence psychological war? (Linguistic notes on the book "Linguistics of the information-psychological war")], *In Voprosy Psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 1(35), 200–208.

Skovorodnikov, A.P., Koptina, G.A. (2016). Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information-psychological war: on substantiation and definition of the term], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 1(55), 42–50.

Skovorodnikov, A.P., Koptina, G.A. (2022 6). *Slovar' sovremennykh politicheskikh iarlykov [Dictionary of Contemporary Political Labels]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 176.

Skovorodnikov, A.P., Koptina, G.A. (2022a). Leksiko-frazeologicheskie novatsii v russkom iazyke i rechi kak sledstvie informatsionno-psikhologicheskikh voyn: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt [Lexico-phraseological neologisms in the Russian language and speech as a consequence of information-psychological warfare: functional-pragmatic aspect], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 4, 31–40.

Smart, B., Watt, J., Benedetti, S., Mitchell, L. & Roughan, M. (2022). #IStandWithPutin versus #IStandWithUkraine: The interaction of bots and humans in discussion of the Russia/Ukraine war. Available at: [10.48550/arXiv.2208.07038](https://arxiv.org/abs/2208.07038)

Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.07.2021 [National Security Strategy, approved by the President of Russian Federation, 02 July 2021]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

Tagiltseva, Iu.R. (2012). Metodologicheskii analiz informatsionno-psikhologicheskoi voyny: teoreticheskii aspekt [Methodological analysis of informational psychological war: theoretical aspect], *In Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics]*, 4(42), 175–178.

Terkulov, V.I. (2022). "Slovar' iazyka voyny v Donbasse": lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie osobennosti ["Dictionary of the war language in Donbass": peculiarities of the language and the culture]. *Russkie traditsii bytovoi lingvokul'tury v slavianskom pogranič'e. Nauchnye doklady uchastnikov Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitel'skogo foruma [Russian traditions of everyday linguoculture in the Slavic frontier: scientific reports of participants of the International Scientific and Educational Forum]*. Bryansk, 25–29.